

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук, профессора Маслина Михаила Александровича на диссертацию Миронова Арсения Станиславовича «Аксиосфера русского эпоса и ценностный выбор его героев (культурфилософский анализ)», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (по философским наукам) в диссертационный совет Д 999.145.03, созданный на базе ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет»

Актуальность диссертационного исследования А.С. Миронова очень значительна и не вызывает сомнений. Познание многообразия отечественной культуры во всем богатстве ее проявлений, идейных и временных оттенков, включая такие источники как народные сказания и былины, составляет необходимую и уникальную характеристику постижения русского национального сознания, всего того, что определяется в диссертационном исследовании в качестве его ценностного выражения или «аксиосферы». Великий пример этого познания дают сочинения А.С. Пушкина, отразившего в своем творчестве «все богатство физиономии нашего народа», все оттенки народной языковой стихии, в том числе былины, сказки, пословицы и поговорки. В записке на имя императора «О народном воспитании» Пушкин предлагал учреждение специальных кафедр, целью которых было бы изучение всей полноты народного сознания для системной подготовки молодых умов, «готовящихся служить отечеству верою и правдою». К сожалению, мысль Пушкина о необходимости постановки руссиеведения на прочную государственную основу осталась не востребованной и до сих пор остается актуальной констатация Н.В. Гоголя – «Велико незнание России посреди России».

Ответственность за это незнание тяжелым грузом лежит на интеллигенции, чья европейская по корню идейность со времен реформ Петра Великого была неразрывно связана с беспочвенностью, оторванностью от низов культуры русского народа. В любой культуре существуют различия между «верхами» и «низами», но дистанция между ними не должна быть непроходимым барьером, препятствующим сообщению между ними. Именно такой барьер был создан в ходе петровских реформ, нарушивших

преемственной развитие культуры и явившихся не продолжением, а отрицанием Московской Руси. Разумеется, процесс преемственного развития культуры предполагает также заимствования инокультурных ценностей; так произошло и в допетровскую эпоху, когда византийское православие было усвоено сперва «верхами» Древней, а затем и Московской Руси и когда в основе процесса движения культуры было распространение восточного христианства на «нижних этажах».

А.С. Миронов рассматривает устную культуру безымянных создателей былин не как автохтонную архаику, представляющую лишь баснословную старину мифов-архетипов, растворившихся в историческом тумане и дошедших до нас в виде отдельных фрагментов, но как составную часть, хоть и своеобразную, единого потока движения отечественной культуры, имеющего не только мифогенное, но и религиозное происхождение. В этом качестве былины как и стихи духовные могут рассматриваться в качестве особых артефактов народной религиозности, как своеобразные источники апокрифического христианства. Не случайно Ф.М. Достоевский считал, что апокрифы вроде «Хождения Богородицы по мукам» следует рассматривать в качестве шедевров мировой литературы, равным сочинениям Данте. Более изощренная книжная культура, несущая на себе отпечаток индивидуальностей ее творцов, может отличаться по степени своего развития от низовой культурной массы, которая и была безымянным носителем и распространителем русского героического эпоса, но все же это различия и оттенки внутри единой культуры. Непроходимых барьеров между верхами и низами в культуре не было вплоть до синодального периода отечественной церковной истории. Иначе чем можно объяснить на первый взгляд не очень приличествующие для православного богослова Илариона Киевского мотивы гордости за языческое прошлое в его «Слове о законе и благодати», когда он пишет, что свет христианской благодати распространился не в худой и безвестной земле, а в той Руси, которую знали и боялись; при этом митрополит указывает на князей Игоря и Святослава, «которые в годы своего владычества мужеством и храбростью прославились во многих странах».

Отбрасывание и отрицание русского героического эпоса проявилось в ходе церковной реформы благодаря взятому Петром курсу равнения на Европу. Реформа оказалась в руках наиболее вестернизированных выходцев из западнорусской окраины России, переживавшей период т.наз. «украинского барокко», для которых русский героический эпос был наследием «чуждых москвитов». «Искатели мест» из украинской элиты стали проводить соответствующую культурную политику, занимая видные позиции в разных сегментах культуры Центра. Особенно важным было то, что им стало принадлежать безусловное лидерство в сфере религии и церкви. Первым президентом Святейшего Синода становится виднейший представитель западно-русской философско-богословской школы Стефан Яворский, получивший образование в польских иезуитских коллегиумах. Правой рукой Петра и фактическим руководителем церковной реформы явился сочинитель «Духовного регламента» Феофан Прокопович – личность совершенно беспринципная, по оценке Г.В. Флоровского, единственным положительным качеством которой являлась всецелая преданность русскому императору. О нем Г.В. Флоровский пишет следующее: «Феофан Прокопович (1681-1736) был человек жуткий. Даже в наружности его было что-то зловещее. Это был типический наемник и авантюрист, – таких ученых наёмников тогда было много на Западе». К этим персоналиям надо добавить также других сторонников церковной реформы Петра – выпускников Киево-Могилянской академии – Гавриила Бужинского и Феофилакта Лопатинского. Результатом деятельности таких церковных идеологов, как Стефан Яворский и Феофан Прокопович, стало то, что Флоровский определил как «псевдоморфозу православия» (т.е. наполнение православия несвойственным ему содержанием). Это нельзя назвать обоснованием новой версии христианства, вроде европейской Реформации, но вполне можно назвать «уклонением от православной церкви» в сторону католичества (Яворский) и протестантизма (Прокопович), что доказал Ю.Ф. Самарин в своей диссертации «Стефан Яворский и Феофан Прокопович».

Вполне закономерно, что первые систематические попытки вернуть героическому эпосу его законное место среди духовных ценностей русского народа были сделаны славянофилами, которым в диссертации справедливо

отводится пионерская роль по части культурфилософской рецепции былинных ценностей. Особо выделяется реконструкция нравственных аспектов былинного эпического сознания, представленная в работах С.П. Шевырева, К.С. Аксакова, О.Ф. Миллера, А.Ф. Мерзлякова, Л.Н. Майкова, которая заставляет признать крайне ограниченной сугубо «маскулинную» трактовку былинных героев, не находящую никакой иной привлекательности в их образах, кроме культа физической силы и поисков славы, успеха и самореализации. Истоки подобной рецепции ценностей русского эпоса находят свое выражение в интеллигентском сознании, начиная с М.М. Хераскова и И.Н. Болтина, которые заклеили «грубость» выражений и «непросвещение» памятников устного русского творчества. Один из лидеров интеллигенции В.Г. Белинский, последовательный защитник просвещенного абсолютизма, по недоразумению зачисленный в советское время в радикальные демократы, был в действительности яростным борцом против «простонародности», препятствующей движению к цивилизационному европейскому состоянию. Для выхода из русской «естественной непосредственности», еще не достигшей, по Белинскому, цивилизационного уровня, был крайне необходим внешний цивилизационный толчок, который была способна осуществить лишь «железная воля царя-исполина», т.е. Петра I.

Указанные выше обстоятельства повлияли на то, что наименее известным в обществе компонентом «аксиосферы» русского национального сознания, то есть его ценностного содержания, является наследие бесписьменной былинной традиции, отечественного героического эпоса. Само описание и исследование этого обширного свода национальных ценностей активизировалось очень поздно, лишь в эпоху Великих реформ 1860-х годов, хотя первые опыты собирания и опубликования былинного наследия относятся к концу XVIII века. Причины его малой известности многообразны. Наиболее очевидной, близкой для понимания и лежащей на поверхности причиной является всеобщая коммерциализация культуры, безнациональная рыночная стихия, неумолимо вытесняющая из русского сознания, уже в детском возрасте, сказочные образы чудо-богатырей и заменяющая их различными заграничными суррогатами, вроде бэтменов,

человеков-пауков и кукол Барби с товарным клеймом *made in China*. Обращаясь к анализу реального состояния культурных процессов, А.С. Миронов вынужден констатировать, что «русский былинный эпос оказывается недооцененным», более того, он «подвергается диффамации, искусственной маргинализации, «оставаясь востребованным в нишевых форматах, связанных с китчем и пропагандой маргинальных политических идеологий» (с. 4 автореферата). Автор диссертации весьма критически оценивает попытки актуализации русского эпоса в разных сферах культуры, включая монументальное искусство, театр, кинематограф, анимацию, живопись, компьютерные игры и др., уродующие подлинность русских былин, сбивающиеся на вульгарную апологию неоязычества, профанирующие образы былинных героев.

Несомненным достоинством исследования А.С. Миронова является солидная источниковая и библиографическая база, кропотливый аналитический разбор разнообразных источников по исследуемой теме на русском и иностранных языках – основных монографий, статей, энциклопедий и, разумеется, записей былин, собранных на Севере и в Сибири, в том числе записей архивных. Надо сказать, что автор диссертации, будучи экспертом в своей области, очень строг в критических оценках предшественников и высказывает жесткие суждения (что называется, невзирая на авторитеты) в адрес тех ученых, чьи концепции расходятся с его собственной, включая сторонников мифологического, компаративистского, структуралистского и других подходов. Эти оценки отличаются строго-критической интонацией, стремлением привести былинный эпос «к единому знаменателю», нарисовать былинное многоцветье в качестве взаимосвязанного единого целого. Представляется, однако, что методами традиционного источниковедения истолковать русский героический эпос как «взаимосвязанное единство» вряд ли возможно в силу его плюралистической природы, ибо его формируют произведения бесписьменной культуры. Даже будучи записанными со слов исполнителей, они не принимали окончательный вид, т.к. могли интерпретироваться разными сказителями по-разному. Тем не менее, искомое единство А.С. Миронов стремится

обосновать посредством создания своей авторской концепции единой «аксиосферы русского героического эпоса».

В диссертации разнообразные былинные персонажи и их поступки в аксиологическом измерении выстраиваются на дуалистической основе, как противостоящие друг другу, а именно воплощающие ценности «девальвируемые» (отрицательно оцениваемые) и ценности «укрепляемые» (оцениваемые позитивно). В результате оценки весьма антиномической картины былинной аксиосферы автор приходит к выводу о том, что в героическом эпосе всё же имеет место частотное преобладание «укрепляемых» ценностей, сопоставимых с известным в библеистике определением «нового человека», тогда как «девальвируемые» ценности попадают под сравнение с библейским (апостольским) определением «ветхого человека», нравственные качества которого олицетворяет «ценность «самости» и связанных с ней пороков: гордости, тщеславия, похоти, чревоугодия, гнева» (с. 22 автореферата). Такая методология в терминах теологии и библеистики может восприниматься как не вполне корректная, однако под углом зрения истории и теории культуры она выглядит вполне легитимной. Начать с того, что используемые в диссертации для выстраивания единой былинной аксиосферы понятия «ветхого» и «нового» человека не являются «святоотеческими», а относятся к разряду т.наз. «апостольских» определений, поскольку впервые используются в послании святого апостола Павла «К Римлянам». Кроме того, своеобразный христоцентризм, обнаруженный автором в былинном сознании, не соответствует критериям основополагающих догматов православия, поскольку понятие «нового человека» в евангельском смысле имеет совершенно иное содержание. Но указанные обстоятельства не отменяют того, что былины, как и стихи духовные, могут рассматриваться в качестве особых артефактов народной религиозности, как своеобразные источники апокрифического христианства. Уточняем: апокрифического, но никак не евангельского или святоотеческого. Не случайно Ф.М. Достоевский считал, что апокрифы вроде «Хождения богородицы по мукам» следует рассматривать в качестве шедевров мировой литературы, равным сочинениям Данте. Выдающийся исследователь народной религиозности

Г.П. Федотов находил в стихах духовных немало ценных элементов, представляющих интерес для религиозной философии. Он считал образ «матери сырой земли» своего рода предвосхищением (*предвосхищением, но не выражением!*) христианской софиологии, полагая, что народная вера – не засушенный и обеднённый вариант церковной веры, а живое проявление «народной этики». Значительное внимание русские религиозные философы уделяли также отечественным предпосылкам метафизики сердца, предоставляющей богатый материал для т.н. «кардиогнозиса», т.е. аналогиям с характерными для русского эпоса трактовками понятия «сердца» (П.Д. Юркевич, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин и др.). Аналогичные суждения высказывали и авторитетные католические богословы, среди них кардинал Томаш Шпидлик, автор широко известной монографии «Русская идея: Иное видение человека».

Сказанное отнюдь не означает, что для «ценностной подкладки» русского эпоса был характерен некий христоцентризм евангельского типа. Речь, по-видимому, идет о позитивно оцениваемых в героическом эпосе религиозных ценностях (почему бы нет, скорее всего именно это имело своё место в былинах). Но эти ценности передавались не непосредственно из творений Св. Отцов, а через изустное предание. Нельзя не учитывать, что и без христианского влияния языческое сознание было способно вырабатывать собственные выдающиеся в художественном отношении ценности как эстетического, так и религиозного характера. В качестве примера можно привести творения выходца из народа гениального скульптора Эрзи (названного «русским Роденом»), буквально насыщенные языческой эротикой и не связанные с христианской доминантой. Несовпадение с церковной догмой народной веры привлекало внимание, особенно в период Серебряного века, выразителей идей свободной религиозной философии. В.В. Розанов, не любивший евангельское христианство и называвший его «великой религией смерти», отрицавшей темы пола и плотской любви, альтернативу синодальному пониманию любви и брака видел «во дворе язычников» (название одной из его книг). Философия пола и любви Розанова строится во многом на переосмыслении языческой эротики, она наполнена выпадами в сторону ханжеского церковного понимания брака. Вот почему

странным выглядит выставление в диссертации «похоти» в число «девальвируемых» черт русского эпоса. Достаточно указать на праздник Ивана Купалы и на торжество промискуитета, талантливо изображенное в «Андрее Рублеве» Тарковского, чтобы снять с русского язычества покров несвойственного ему целомудрия.

Недостаток диссертации видится в том, что автор не принял во внимание и не применил к своему исследованию известную концепцию о «двоеверии», переплетении в историческом сознании русского народа христианских и языческих ценностей, особенно убедительно обоснованную Г.В. Флоровским в его классической работе «Пути русского богословия». Флоровский показал, что в глубинах народного сознания существовала «своя потаенная жизнь, двусмысленная и двоеверная». Носителем «дневной культуры» было воцерковленное меньшинство, тогда как в народной толще преобладала «ночная культура» большинства народа, долго не уступавшая дорогу книжному «византийско-христианскому меньшинству», которое в течение длительного времени «не исчерпывало всей полноты русской духовной судьбы».

В силу объективных исторических причин русское язычество со свойственными ему праздниками, обычаями и обрядами сохранилось даже лучше, чем язычество других европейских этносов. Историческим преимуществом русской народной веры, способствовавшим ее консервации, Г.П. Федотов считал то обстоятельство, что на Руси не было Реформации, безжалостно расправлявшейся с любыми проявлениями язычества. Этой сохранностью объясняется наличие в русском народном обиходе обращений к незнакомым людям – «дядя», «тетя», «дедушка», «бабушка» и др, которые являются реликтами родового строя и не сохранились у иных европейских народов. Другим обстоятельством, способствовавшим сохранению дохристианского этоса и мирозерцания, являются необъятные просторы российской земли, на которых христианизация растянулась на столетия и отнюдь не сводилась к однократному Крещению Руси князем Владимиром.

Очень существенной причиной сохраняющейся недооценки русского эпоса является нигилистическое отношение ко всему русскому как «вненациональному», заложенное либеральными реформами 90-х годов, а

еще раньше – советским «пролетарским интернационализмом». Такое отношение прослеживается, например, в структуре Федерального агентства по делам национальностей, где в центре внимания находится проблематика национальных меньшинств, а национальное большинство, представленное русской нацией, даже не упоминается, как и само слово «русская нация» (см. сайт Федерального агентства). Есть надежда, однако, что поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации, смогут помочь преодолению укоренившегося национального нигилизма. Если ранее в конституции был зафиксирован тезис о том, что Российская Федерация является правопреемницей Союза ССР, то в новой редакции подчеркивается целостность всей тысячелетней истории российского государства и добавляется также ссылка на «русский язык как язык государствообразующего русского народа».

Есть все основания полагать, что новая редакция Конституции способна содействовать повороту общественного внимания к изучению ценностного содержания русского национального сознания, в том числе русского эпоса. Есть также основания надеяться на то, что диссертация А.С. Миронова будет способствовать повороту общественного внимания к русскому вопросу в духе, свободном от обвинений в распространении угрозы «русского национализма», восходящих к советскому догматическому марксизму. По канонам советской идеологии национализм считался тяжчайшим грехом, отклонением от «пролетарского интернационализма» в сторону «буржуазного национализма», который подлежал «строгому остракизму». На деле этот «остракизм», как оказалось, был не «строгим», а «ласковым», он нисколько не мешал выработке националистических этнократических идеологий, имевшихся во всех национальных республиках и автономных образованиях СССР (кроме РСФСР). Характерным примером является подготовленная Академией наук СССР 5-томная «История философии в СССР», где уделялось значительное внимание анализу мировоззренческого содержания эпоса различных народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья и Сибири, но русский народный эпос не рассматривался совсем. К чему привело «табу» на русский национализм с одновременным

подспудным пестованием этнического антирусского национализма, хорошо известно на примере гражданских войн на территории бывшего СССР.

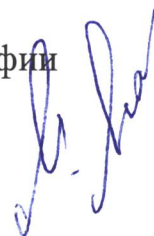
Из сказанного выше следует, что диссертационное исследование А.С. Миронова в постсоветской ситуации, в условиях растущих угроз национальному суверенитету, его расщеплению перед лицом различных антирусских вызовов, способно внести свой вклад в дискуссии о национальной идее, которые отражали бы своеобразие России как государства-цивилизации, являющегося продуктом истории, культуры, менталитета, психологии государствообразующего русского народа. Диссертация дает богатейший материал для выделения особенностей русской идентичности, заключающихся не в каких-то наличностях этнического, географического или административного толка, а в ценностных, духовных характеристиках, сконцентрированных в различных концептах русского эпоса. Вместе они создают характерно-русскую систему аксиосферы, представляющую такие образы-понятия как «сила», «любовь-жалость», «неупадчивость» (стойкость к греху), «воля вольная», «смелость», «слава», «честь» и др. Страницы, описывающие ценности и смыслы русского героического эпоса, написаны А.С. Мироновым весьма изящно в стилистическом отношении и читаются с неослабеваемым интересом.

Представленная автором аналитическая картина системы русских эпических ценностей полностью соответствует требованиям паспорта научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры, поскольку нацеливает на исследование проблем современного состояния теории и истории культуры на ее различных исторических этапах. Высказанные замечания не снижают высокой положительной оценки диссертации и не подвергают сомнению оригинальность и новизну авторской концепции А.С. Миронова.

В своем диссертационном исследовании А.С. Миронов решил крупную научную проблему, представляющую значительный общественный и общекультурный интерес. Основные положения диссертации нашли отражения в трех монографиях и публикациях в авторитетных научных изданиях.

Диссертация Миронова А.С. на тему: «Аксиосфера русского эпоса и ценностный выбор его героев (культурфилософский анализ)» соответствует основным требованиям п.п. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842¹, а её автор, Миронов Арсений Станиславович, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора философских наук по научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Официальный оппонент
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой истории русской философии
философского факультета
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова

Маслин
Михаил
Александрович

7 февраля 2022 года

Подпись профессора М.А. Маслина заверяю:

И.о. декана философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

А.П. Козырев

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
философский факультет
119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский».
Тел.: + 7 (495) 939-19-25
e-mail: info@philos.msu.ru

С перечнем публикаций официального оппонента Михаила Александровича Маслина можно ознакомиться на следующих Интернет-ресурсах:

- <https://istina.msu.ru/profile/Michaelmaslin9999/>
- http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=518154.

---

¹ в ред. Постановлений Правительства РФ от 30.07.2014 № 723, от 21.04.2016 № 335, от 02.08.2016 № 748, от 29.05.2017 № 650, от 28.08.2017 № 1024, от 01.10.2018 № 1168, от 20.03.2021 № 426, от 11.09.2021 № 1539, с изм., внесенными Решением Верховного Суда РФ от 21.04.2014 № АКПИ14 115, Постановлением Правительства РФ от 26.05.2020 № 751.